

Глава 4. Тени сомнения. Часть вторая

В сознании Чэнь Гэ яркой вспышкой пронеслись те самые сцены, о которых он меньше всего хотел вспоминать. Он вцепился в волосы, понурил голову и горько разрыдался:

— Я не... мои родители, они оба... они мертвы. Остальные сказали, что я совершил ошибку, и сослали меня... в червоточину. В пути кое-что случилось. В общем, старший брат спас меня, а когда я пришёл в себя, то оказался уже здесь. В тот день... прямо перед этим мы с ним поссорились.

Ли Хун смотрел, как крупные слезы катятся из невинных глаз Чэнь Гэ. В его душе не возникло и тени презрения — лишь щемящее сочувствие. Окажись он сам в подобном положении, вряд ли захотел бы жить.

Сам он покинул дом под предлогом выслеживания циньских лазутчиков, а на деле — просто чтобы не подчиняться воле отца, задумавшего женить его на незнакомке. Теперь те заботы казались ему пустыми и ничтожными. Нужно было потратить время на разведку, найти способ вытащить парня и вернуться домой.

Ли Хун приобнял Чэнь Гэ за плечи и, по-дружески взъерошив ему волосы, произнёс:

— Не плачь. Через несколько дней я вытащу тебя отсюда. Пойдёшь со мной, будешь мне как брат.

Чэнь Гэ шмыгнул носом. Сработало! Он получил заветные очки расположения.

Справедливости ради, в самом начале пара слезинок и впрямь была настоящей, но потом он просто вошёл в раж и не мог остановиться.

Отец всегда был с ними суров. С малых лет он требовал, чтобы они с Цзянь Юньланом осваивали военные навыки: рукопашный бой, выживание в дикой природе, стрельбу, искусство владения клинком. У Чэнь Гэ ещё молочные зубы не сменились, а он уже должен был часами стоять в стойке мабу и отрабатывать удары мечом.

Цзянь Юньлан был парнем основательным и упорным. А вот Чэнь Гэ, хоть и обладал великолепными физическими данными, рос избалованным и изнеженным любимцем семьи. Всякий раз, когда отец ловил его на лени, Чэнь Гэ закатывал грандиозную истерику. Стоило Цзянь Чжэньхуну увидеть слёзы на лице младшего сына, он мгновенно смягчался. Он обнимал, целовал мальчика и разрешал ему больше ничего не делать.

Позже, когда отец уехал в Южную Африку, обязанность «угнетать» Чэнь Гэ учёбой легла на плечи старшего брата. Но Цзянь Юньлан, прекрасно знавший повадки сорванца, выработал стойкий иммунитет к его капризам.

Тогда Чэнь Гэ довёл своё мастерство до совершенства, создав целую систему: мгновенные слёзы по методу Чэня, фальшивые рыдания, завывания без слез и прочие драматические приёмы. Порой он практиковался просто от скуки — это неплохо помогало развеяться. В те годы Цзянь Юньлан сам был ещё почти ребёнком и часто не знал, как совладать с выходками брата.

Но в какой-то момент их отношения изменились.

Вспоминая об этом сейчас, Чэнь Гэ чувствовал, что вёл себя по-свински.

Ли Хун окончательно вышел из себя:

— Ты спать собираешься или нет?!

Он раскусил притворство Чэнь Гэ почти сразу, как только тот начал своё «и-и-и», и, не выдержав затянувшегося завывания, отвесил ему лёгкий подзатыльник.

На следующее утро тишину пререзал резкий скрежет. Каменный топор с силой обрушился на скалу, выбив в ней глубокую выбоину. Осколок камня пролетел в волоске от лица Ли Хуна.

— Чэнь Гэ! — рявкнул тот, едва сдерживая ярость. — Побереги силы!

— Ты видел? Какая мощь! — Чэнь Гэ подобрал топор и с удвоенным рвением принялся долбить стену. — Почему они нас не связали? И почему никто не следит?

В самом руднике солдат в чёрных одеждах было немного. Ещё до рассвета пленных разбудили ударами хлыстов и выдали каждому по каменному топору или зубилу. Людей разбили на отряды по сто человек и распределили по участкам.

Циньцы использовали хитроумный способ: сначала пробивали в скалах шурфы, затем другие отряды таскали и кипятили воду. Раскалённый кипяток выливали на ледяной камень, и от резкого перепада температур порода трескалась, становясь хрупкой. Только после этого за дело принимались забойщики с топорами.

Чэнь Гэ и Ли Хун, как наиболее крепкие, попали именно в такую команду. Дневная норма составляла две сотни тачек — около сотни цзиней руды.

Чэнь Гэ обернулся к напарнику. В его глазах отражалось ярко-синее небо. Он заметил, что когда Ли Хун задумывается, он едва заметно хмурится.

— Мы зажаты в горах Тайханшань, — ответил Ли Хун. — Обзор отсюда идеальный. Циньцы сидят на высоких башнях, им всё видно как на ладони. Чтобы перевалить через хребет, понадобится полдня. А в горах — дремучие леса, хищники и птицы, которые поднимут шум. Бежать в одиночку — верная смерть.

Над рудником возвышались сторожевые вышки с лучниками, но за самой работой надзирали спустя рукава. Пленных не истязали, однако действовал суровый закон: если сбежит один, казнят всю сотню. Поэтому никто не решался на безумства, все покорно тянули свою лямку.

Чэнь Гэ рассеянно заметил:

— Скоро полдень, а обед и не пахнет. Кормят здесь паршиво, если не сбежим — просто ноги протянем от голода.

— Раз в день дают миску каши, — Ли Хун скептически посмотрел на него. — Для пленных это неслыханная щедрость. Странно всё это.

Чэнь Гэ схватился за живот, изображая тошноту:

— Эта жёлтая крупа... каша такая клейкая, что её вместо клейстера использовать можно. В животе колом стоит, совсем не переваривается.

Ли Хун с силой вогнал зубило в щель, и кусок желтовато-чёрной руды свалился на землю:

— Это чумиза. Она клейкая, её обычно для варки хмельного используют.

— И как ты только всё знаешь? — вздохнул Чэнь Гэ, в очередной раз разломав топориче.

Когда он наполнил тачку, подошли двое рабочих, чтобы отвезти руду в хранилище. В эту эпоху воины были молоды, но лица их покрывали морщины и загар, а руки и ноги из-за тяжёлого труда и скудного рациона были покрыты глубокими болезненными трещинами.

Чэнь Гэ стало жаль бедолаг. Он велел им отдохнуть, а сам взялся за тачку.

Из-за неровной дороги и веса груза одну тачку обычно толкали вдвоём. Но Чэнь Гэ обнаружил, что стоит ему чуть поднажать, и тяжёлый ящик катится сам собой.

С радостным воплем он умчался в сторону склада.

Ли Хун лишь молча покачал головой.

Вернувшись, Чэнь Гэ взял новое зубило и принялся «дзынь-дзынь» помогать Ли Хуну. Глядя на этого беззаботного парня, который, казалось, ни капли не тревожился о своём положении, Ли Хун окончательно потерял дар речи.

Утирая пот, Чэнь Гэ шепнул чернявому мальчишке с забавными клыками, работавшему рядом:

— Ладно, хватит на сегодня, оставляю тебе немного на вечер.

Мальчик странно посмотрел на него и, не проронив ни слова, ушёл.

— Такого ребёнка — и на войну. У вас в Царстве Чжао это в порядке вещей? — спросил Чэнь Гэ, когда тот скрылся.

— Если погибнет дерево, уцелеют ли листья? — угрюмо отозвался Ли Хун.

— Так зачем тогда воевать? — удивился Чэнь Гэ. — Я понимаю, ресурсы распределены неравномерно, но можно же торговать, обмениваться. Все мы потомки Янь-ди и Хуан-ди, зачем резать друг друга?

Ли Хун на мгновение задумался:

— «Мир через торговлю»? Я читал трактат Гуань-цзы, но Царство Ци стоит на берегу моря...

— Вводите систему экзаменов и меритократию! — вставил Чэнь Гэ.

— Что? — Ли Хун не понял ни слова.

Чэнь Гэ зашёлся беззвучным смехом и махнул рукой: продолжай, мол.

— В Царстве Ци в достатке соль и железо, они знают толк в выгоде. Но беда не в бедности, а в неравенстве. Не все страны одинаково богаты. Если самим есть нечего, на что менять товары?

Солнце стояло в зените. Зной был невыносим, слепил. Ли Хун оставался в своём алом хуфу, воротник которого потемнел от пота, а на спине проступили белые соляные разводы. У него были широкие плечи и крепкое телосложение — даже в таком неопрятном виде он сохранял благородную выправку.

Чэнь Гэ же выглядел комично. На нём был защитный костюм Цзянь Юньлана. Брат был под два метра ростом, на двадцать сантиметров выше Чэнь Гэ, но тот обожал таскать его вещи. Штанины и рукава были засучены, а после взрыва и падения белый материал покрывали дыры, грязь и пятна крови.

Внезапно Чэнь Гэ коснулся своего лица. Его пронзила мысль: он потерял сознание на корабле, но как он оказался в горящем спасательном модуле? Память была туманной. Кажется, какой-то офицер занёс его внутрь, а потом... потом случился взрыв.

Голос Ли Хуна вернул его в реальность.

— Земледелие зависит от неба. А есть ещё сюнну или дунху — кочевники. У них нет пашен. Когда приходит голод, им ничего не остаётся, кроме как грабить Срединные земли. — Ли Хун не выдержал вида лохмотьев Чэнь Гэ. Достав из-за голенища сапога костяную иглу, он принялся ушивать слишком длинные рукава. — Сила земли не бесконечна, а людей в царствах всё больше. Все живут в долг. В конце концов, всё решает сила. Чей кулак крепче, тот и прав.

— Тяжело-то как, хоть в петлю лезь, — вздохнул Чэнь Гэ, покорно застыв, пока Ли Хун латал его костюм. Чтобы не привлекать внимания стражи, он продолжал лениво постукивать по камню. — Но ведь от мира пользы больше. Какой прок от славы и богатства, если ты мёртв?

— Чтобы жить, нужно бороться, — отрезал Ли Хун. — Ты не знаешь, как трудно даётся выживание, потому и строишь воздушные замки. Если смерть одного спасёт тысячи — ты бы согласился?

— Конечно! — Чэнь Гэ вытер лоб рукавом. — Да что там тысячи — если это спасёт миллионы ваших жителей Царства Чжао, оно того стоит.

Ли Хун замолчал, затягивая узел на нитке.

— Смерть ждёт каждого, — серьёзно произнёс Чэнь Гэ. — Но одна смерть весома, как гора Тайшань, а другая — легка, как гусиное перо. Мой отец был генералом, который не любил воевать. Но он защитил множество людей и погиб, спасая других. Его смерть для меня весомее Тайшаня.

Ли Хун усмехнулся:

— Складно звонишь.

Но в глубине души он поверил. Ему стало любопытно: какой же генерал из Царства Чу мог воспитать такого блаженного сына?

С наступлением ночи температура резко упала, ветер стал ледяным.

Чэнь Гэ не притронулся к своей миске липкой каши, отдав её самым истощённым бедолагам из

своего отряда. Поболтав с ними о том о сём, он вернулся на свою циновку.

— Тебе и с ними есть о чём поговорить? — удивился Ли Хун.

Этот парень пережил катастрофу, потерял родителей, оказался рабом в чужой стране. Пару дней назад он искал смерти, вчера горевал, а сегодня уже вовсю сыплет шутками. Кто он — дурак или святой?

— Так, перекинулись парой слов, — Чэнь Гэ подпёр щеку ладонью, не сводя глаз с Ли Хуна. — Но я заметил одно: ты знаешь гораздо больше них.

Он улыбнулся и ткнул пальцем в подбородок напарника:

— Ты совсем на них не похож.

Ли Хун точил каменный нож. Его рука дрогнула, и тонкое лезвие переломилось пополам. Он покраснел — то ли от гнева, то ли от смущения.

— И чем же я... не похож?

— Ты образован, умеешь мыслить критически, — начал загибать пальцы Чэнь Гэ. — Ты воевал, понимаешь в тактике. Есть только один недо...

— Откуда такие выводы? — подозрительно спросил Ли Хун.

— Когда мы вчера перевалили через хребет, ты едва взглянул на лагерь и сразу сказал, что там двадцать с лишним вышек. Ты даже не считал их. Значит, ты привык оценивать боевое построение с первого взгляда.

Ли Хун опасно прищурился, он напрягся.

— Ты воин с отличной подготовкой и опытом, — продолжал Чэнь Гэ, не замечая перемены. Он вертел в руках обломок камня. — Я не собираюсь выпытывать твои тайны. Нам нужно бежать вместе, и я хочу, чтобы ты мне доверял.

— Я никогда в тебе не сомневался! — Ли Хун внезапно взорвался. — Сказал же: я вытащу тебя отсюда!

Чэнь Гэ вздрогнул. По привычке он шмыгнул носом, в глазах мгновенно заблестели слёзы.

— Плачь давай! — рявкнул Ли Хун.

Чэнь Гэ моргнул, и слёзы послушно исчезли.

— Ну и характер у тебя, — прошептал он. — Просто ужас.

Искренность Чэнь Гэ подействовала на Ли Хуна. Следующие три ночи он встречался с воином по имени Янь Чуань и больше не скрывался от напарника.

Чэнь Гэ понял, что Янь Чуань — верный вассал или телохранитель Ли Хуна. Он настолько хорошо знал своего господина, что понимал его без слов. Ли Хун доверял Чэнь Гэ, а значит, Янь Чуань тоже не задавал лишних вопросов.

Наступила четвёртая ночь.

Они ловко соорудили из верхней одежды и сухой травы куклы-пугала, уложив их на свои циновки. Грязная палатка на пятьдесят человек была забита до отказа, воздух в ней стоял тяжёлый и зловонный. Ночной патруль циньцев лишь мельком заглядывал внутрь: если все места заняты, значит, порядок.

Чэнь Гэ тенью следовал за Ли Хуном, шепча под нос:

— Серьёзно, у Цинь Шихуана явное расстройство личности. У него всё должно быть по линеечке. Узнай он, что мы тут шастаем, у него бы случилась истерика.

— Хватит нести чушь, — бросил Ли Хун, не оборачиваясь. — Берегись патрульных псов.

Они скользнули в тёмный угол, где нагромождения скал напоминали острые клыки. Ли Хун нырнул за валун и исчез. Чэнь Гэ, поспешив следом, больно приложился головой о выступ. Ругнувшись, он стёр кровь рукавом и пролез в узкую расщелину.

За ней скрывалась довольно просторная пещера. В полной темноте послышался сухой стук кремня, и вспыхнул крошечный огонёк. Янь Чуань зажгёт факел, осветив кусок коры с нанесённой на него картой.

— План рудника и расстановка сил, — коротко бросил он, передавая карту Ли Хуну.

В неверном свете лицо Ли Хуна казалось старше — на нём проступила печать суровой решимости.

— Привет, брат Чуань! — Чэнь Гэ расплылся в улыбке. — А как твоя фамилия?

Чуань странно посмотрел на него:

— Фамилия?

Ли Хун, не отрываясь от карты, хмыкнул:

— Ты ещё одежду с него сними, чтобы проверить, не девка ли наш Янь Чуань.

Чэнь Гэ прыснул от смеха. Он зажал рот ладонями, и его беззвучный хохот в полумраке пещеры выглядел жутковато.

Янь Чуань, чувствуя, как по спине бегут мурашки, нехотя пояснил:

— В Срединных землях так заведено: у женщин — фамилия, у мужчин — родовое имя. Или у вас в Царстве Чу всё иначе? «Чэнь» — это твоя фамилия?

Чэнь Гэ задумался:

— Не совсем. Мама была Чэнь. Папа — Цзянь, брат — тоже Цзянь. Я взял мамину... А у деда вообще всё запутано было.

— Мой отец был из Царства Ци, потом перебрался в Царство Чжао, — улыбнулся Янь Чуань. — Наш род — Янь, зовут меня Чуань.

Видя, что Ли Хун погружён в изучение карты, он отвёл Чэнь Гэ в сторону. Оба были парнями общительными и быстро перешли на шёпот.

— Говорят, у вас в Царстве Чу верят в духов и любят подношения. В пятый день пятой луны вы бросаете в реку еду в листьях? К чему это? — спросил Янь Чуань.

— А, это цзунцзы. Рис с ветчиной и желтком. Я желток не люблю, а вот с мясом — пальчики оближешь. Но потом люди из Царства Хань заявят, что это их праздник. Совсем совести нет.

Янь Чуань не понял, что именно Чэнь Гэ имеет в виду под царством Хань, но возмутился за компанию:

— И впрямь наглецы! Царство Хань вот-вот падет, а всё туда же. Ну да ладно. Слушай, ты ведь был при смерти, а через пару дней — как новенький. У тебя есть секретная техника? Ты из рода У Сяня? Неужели боги и впрямь вас хранят?

Чэнь Гэ почесал подбородок с видом знатока:

— Из У Сяней я только Инь Цяньшана знаю. Но я уверен: давным-давно сюда прилетали пришельцы, построили Саньсиндуй и устроили базу в горах.

Янь Чуань округлил глаза:

— Ты лично знаешь великого шамана У Сяня?!

— Ага, он с огромным мечом ходит, у него в созвездии — волк. Мой любимый персонаж, — кивнул Чэнь Гэ.

— Ты можешь повелевать шаманом?! — Янь Чуань был в шоке.

— А ещё знаешь про бронзовое дерево? Его потом в Циньлин перевезли, там парень по имени У Се его нашёл...

— Тихо вы! — Ли Хун в сердцах хлопнул по карте. — Хватит нести околесицу!

Чэнь Гэ заглянул в карту. Она была нарисована почти как в видеоиграх — всё предельно ясно.

Огромный овал рудника. Пятнадцать крестиков — зоны добычи. Треугольники — сторожевые вышки и лагерь стражи (их двадцать штук). И куча мелких непонятных значков.

— Ты гений, Янь Чуань! — искренне восхитился Чэнь Гэ.

Нарисовать такую подробную схему, полагаясь только на глаза и память — это ли не высшее мастерство? Интеллект людей не зависит от эпохи.

— Пустяки, — смутился Янь Чуань.

Чэнь Гэ быстро пробежал глазами по пометкам:

— Пятнадцать зон, в каждой по шесть отрядов, в отряде по сто человек. Двадцать лагерей, в каждом — башня. По одной в каждой зоне добычи и пять в северо-западном секторе.

Он провёл пальцем по коре:

— У циньцев всё по пятеркам: два отряда — это смена. Значит, в каждом лагере четыре отряда, это двадцать человек на вышку.

Закончив расчёты, он резюмировал:

— Спасибо циньскому перфекционизму. Итого: девять тысяч пленных против четырёхсот охранников. Задача проста: сносим башни.

Ли Хун и Янь Чуань застыли с одинаковым выражением шока на лицах. Ли Хун всё ещё пытался сосчитать общее количество по пальцам.

— Ты так быстро считаешь... Ты уверен? — выдохнул Янь Чуань.

— Если я в этом ошибусь, то грош мне цена, — кивнул Чэнь Гэ. — Ли Хун, у ваших воинов есть единая система сигналов? Флаги там, жесты?

Ли Хун оставил попытки считать. Услышав про сигналы, он мгновенно понял план Чэнь Гэ.

— Воины Царства Чжао — воины лихие. Мы лучшие в конном бою, мастера длинного копья и лука. Мы из разных мест, но знаки у нас одни.

Он покачал головой:

— Но люди истощены. У нас нет оружия. А циньцы — элита, они не знают промаха. С вышек они простреливают всё. Если пойдём в лоб — победим, но умоемся кровью.

— У нас здесь не только воины, — добавил Янь Чуань. — Здесь беженцы с границ, старики, женщины, дети. Весь рудник ими забит.

Чэнь Гэ похлопал Ли Хуна по плечу:

— Мы не можем сидеть сложа руки. Нас девять тысяч, их четыре сотни. Неужели не сладим?

— На поле боя всё иначе, — вздохнул Ли Хун. — Снаряжение, выучка, дух и логистика важнее чисел. Мы сейчас — просто куча песка. Заставить девять тысяч отчаявшихся людей пойти на смерть — задача не из лёгких.

— Брат Чуань ведь до сих пор не попался? — спросил Чэнь Гэ. — Может, он приведёт подмогу из Царства Чжао?

— Ты не понимаешь, — отрезал Ли Хун. — Цинь и Чжао недавно схлестнулись. Хоть мы и... Царство Чжао победило, потери были огромными. До ближайших наших войск сотни ли. Гонец доскачет за пару дней, но пока соберут армию, пока дойдут... Пройдёт недели две.

— Почти все силы стянуты к столице, — добавил Янь Чуань. — Свободных мечей нет, провизии — тоже. К тому же ситуация на границе неясная. Никто не пошлёт войска в такую глушь без

приказа сверху. Это почти невозможно.

<http://bllate.org/book/17509/1648685>